

историческая ретроспектива

СЕРГЕЙ КУЗЬМИН

БУДДИЗМ И СОЦИАЛИЗМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В СССР, ТНР, МНР И КНР

Проанализированы тенденции развития тибетского буддизма в период строительства социализма в СССР (Калмыкия и Бурятия), Тувинской Народной Республике (ТНР), Монгольской Народной Республике (МНР) и Китайской Народной Республике (КНР: Внутренняя Монголия и Тибет). Описываются трансформации отношений с буддийской церковью правящих коммунистических и прокоммунистических партий от прихода их к власти до настоящего времени (КНР) или до падения социализма (остальные страны). Выделены следующие этапы взаимодействий буддизма и правящих партий. (1) Первоначальное ослабление влияния духовенства. Данный период охватывает в РСФСР/СССР 1917–1928, в МНР и ТНР – 1921–1928, во Внутренней Монголии – 1947–1957, на тибетских территориях в составе китайских провинций – 1949–1954, в будущем Тибетском Автономном Районе (ТАР) – 1951–1959 гг. (2) Борьба с религией в период форсированного строительства социализма. В СССР – 1928–1935, МНР и ТНР – 1929–1932, во Внутренней Монголии – 1957–1966, на тибетских территориях в составе китайских провинций – 1955–1962, в будущем ТАР – 1959–1962 гг. (3) Кратковременный отказ от радикальных мер против религии. В МНР и ТНР 1932–1936, в Тибете – 1962–1966 гг., на остальных рассматриваемых территориях не фиксируется. (4) Коммунистический террор. В СССР, МНР и ТНР – 1937–1939 (пик – 1937–1938), в КНР – 1966–1976 (пик – 1966–1969) гг. (5) Частичное возобновление деятельности церкви. В СССР (включая Туву) – 1945–1990, МНР – 1944–1992, КНР – 1977 г. – по настоящее время. Религи-

озная деятельность в регионах распространения тибетского буддизма в КНР все более регулируется и модифицируется властями ради политической целесообразности. Такой подход направлен на «изживание» тибетского буддизма изнутри, что согласуется со стратегическим курсом КПК на ликвидацию религий.

Ключевые слова: буддизм, социализм, коммунизм, СССР, Тува, Монголия, Тибет, Китай.

ИСССР, и МНР и КНР при всех своих различиях во многом схожи. Одна из черт сходства – монополярная власть революционных партий, ставивших целью построение коммунизма: Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (ВКП(б), позже – КПСС), Монгольской народной партии (МНП, позже – Монгольская народно-революционная партия – МНРП), Коммунистической партии Китая (КПК). Их объединяет общая идеология – марксизм-ленинизм, одна из основ которой – атеизм, а одна из целей – ликвидация религий. В СССР, МНР, ТНР и КНР одна из традиционных религий – тибетский буддизм. Хотя строительство социализма как первой стадии коммунизма в этих государствах имело свою специфику, ТНР, МНР и КНР в той или иной мере заимствовали советский опыт.

Целью данной работы является анализ не этих заимствований как таковых, а тенденций развития тибетского буддизма – общей для этих стран религии – в период строительства социализма. Соответственно, географические рамки будут ограничены основными регионами его распространения: в СССР – Калмыкия и Бурятия (раньше называвшаяся Бурят-Монголией), позже – Тува (которая с 1921 до 1944 г. была независимой Тувинской Народной Республикой – ТНР и строила социализм под руководством Тувинской народно-революционной партии – ТНРП); МНР; в КНР – «тибетские автономии» (Ти-

бетский автономный район – ТАР и тибетские территории, включенные в китайские провинции) и Внутренняя Монголия.

Историография данной проблемы достаточно обширна. Основа ее – советские, китайские и монгольские публикации, которые базируются преимущественно на документальных материалах (см. ниже). Основу используемой здесь источниковой базы составили несколько фундаментальных исследований, базирующихся на архивных источниках, газетах и других публикациях по ТНР, СССР [21; 31; 32] и КНР [4; 44; 53; 50; 42; 40; 39; 36; 37]. Ссылки на первичные и другие источники, приводимые в этих работах, я не привожу ради экономии места: их можно найти на цитируемых ниже страницах данных монографий. По Монголии приводятся ссылки на исследованные мной архивные документы и другие материалы.

СССР

В результате Октябрьской революции 1917 г. была провозглашена РСФСР, которая затем вошла в состав СССР, провозглашенного в 1922 г. На территории Забайкалья в 1920–1922 гг. существовала буферная Дальневосточная Республика, которую контролировала РСФСР. В нее входила часть Бурят-Монголии. Глава калмыцких буддистов – Шаджин-лама Ч. Балданов видел в Октябрьской революции силу, разрушительную для буддизма, и поддержал Белое движение. Также поступил и Багша-лама донских калмыков М. Борманжинов [31, 32]. Оправданность этого подтвердилась уже в период Гражданской войны в России. В Калмыкии, хотя 99% ее духовенства отмежевалось от политики, красноармейцы громили буддийские монастыри и уничтожали священные предметы [32,

74–77]. В Бурят-Монголии красные вели себя сходным образом [14, 84–85, 118]. В 1919 г. красными был разграблен дацан в Петрограде – один из центров буддизма России (в 1924 г. вновь открыт, затем закрыт в 1938 г.).

В условиях победы красных один из лидеров буддистов Бурят-Монголии – А. Доржиев и другие сторонники “обновленческого” движения¹ сочли, что сохранение религии в современных условиях возможно лишь при признании советской власти. В этом Доржиева поддержал Лама калмыцкого народа Ш. Тепкин. Оба встретили сопротивление со стороны консервативной части духовенства. На основе Декрета об отделении церкви от государства (январь 1918 г.) все имущество монастырей бралось в руки местных ревкомов, не-богослужебные имущества отбирались, богослужебные передавались верующим бесплатно [32, 88–103].

К середине 1920-х гг. ОГПУ сумело установить контроль и наблюдение за религиозной жизнью, завербовав из церковной среды осведомителей. В 1923–1925 гг. монастырские строения в Бурят-Монголии национализировались, ученики лам переводились в обычные школы, монастыри облагались налогами. В январе 1924 г. Калмыцкий обком призвал коммунистов “разоблачать” и “доказывать ненужность” буддийских монахов, а затем повести открытое наступление на религию. Этот курс стал более выражен с 1925 г. В Бурят-Монголии был введен в действие Декрет об отделении церкви от государства и школы

¹ Движение «обновленцев» среди буддистов началось в XIX в. В России, Монголии и Туве набрало силу после революций начала XX в. В 1920-е гг. в российском православии развивалось собственное «обновленчество» [8, 76–77]. В буддизме «обновленчество» было направлено на его «очищение», упразднение церковных административных структур, устранение роскоши и т.п. Одни из этих требований соответствовали канону «Виная», другие противоречили (например, сотрудничество с антирелигиозной партией).

от церкви, Калмыцкий обком издал программу по борьбе против буддизма. Однако отсутствие четкой позиции вело к тому, что эта деятельность не афишировалась. В 1925 г. на III съезде калмыцкого духовенства Доржиев сделал доклад о необходимости приспособления буддийской общины к политике СССР. Главой буддистов Калмыкии был выбран “обновленец” Тепкин [31, 35–43; 32, 74–77].

Доржиев со своими сотрудниками с 1919–1920 гг. вел деятельность по разъяснению “основ советской власти”, приглашался на заседание политбюро ЦК РКП(б) по политике последней на Востоке. В Калмыкии и Бурят-Монголии распространялись идеи общности буддизма и коммунизма, поборником которых был Н.К. Рерих [31, 33, 74–89], в 1925–1926 гг. налаживавший контакты с советской властью.

В 1927 г. была проведена национализация и передача “обновленцам” бурятских дацанов Цугольского и Цонгольского. Отношения “обновленцев” и консерваторов обострились. Часть лам эмигрировала за границу. В январе 1927 г. I Всесоюзный собор буддистов закрепил победу “обновленцев”. VI буддийский съезд Калмыкии (июль 1928 г.) и III буддийский съезд Бурят-Монголии (август 1928 г.) закрепили решения Всесоюзного собора [32, 88–103].

По конституции РФСР, подкрепленной инструкцией президиума ВЦИК от 4 ноября 1926 г., все служители религиозных культов были лишены избирательных прав. С 1928 г. усилилась борьба с буддизмом в Калмыкии и Бурят-Монголии. Одним из факторов этого была начавшаяся коллективизация сельского хозяйства. По-видимому, численность буддийского духовенства в 1927–1928 гг. уменьшилась на 10–20% [31, 45–58; 32, 88–103].

24 января 1929 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло резолюцию “О мерах по усилению антирелигиозной борьбы”.

В ее контексте президиум ВЦИК 8 апреля 1929 г. издал постановление “О религиозных объединениях”, ограничивавшее их деятельность. Соответственно, органы власти Калмыкии и Бурят-Монголии приняли документы об усилении антирелигиозной работы и расколу “ламства” по имущественному признаку и положению. Стали выходить антирелигиозные журналы. Духовенство и население проявляли недовольство, в Бурят-Монголии отмечалось участие лам в вооруженных выступлениях против коллективизации [31, 87–126].

В Калмыкии было введено несколько налогов на буддийское духовенство еще до 1930-х гг., а с 1930 г. вводились новые. Кроме того, в Калмыкии и Бурят-Монголии духовенство лишалось избирательных и других гражданских прав. У ряда лам имущество конфисковалось, многие вынуждены были уходить в мир. В 1931–1932 гг. экспедиция АН СССР, работавшая в Агинском аймаке Бурят-Монголии, отмечала факты массового уничтожения буддийских текстов. В 1934–1935 гг. погромы храмов и уничтожение религиозных предметов продолжались. Комитет по охране памятников при президиуме ВЦИК в 1935 г. рассмотрел вопрос об охране памятников буддизма и предложил органам власти Бурят-Монголии организовать их учет и охрану, но этот документ не возымел заметного эффекта. Вместе с тем, РК ВКП(б) принял план кампании по подготовке общественного мнения к закрытию дацанов и молитвенных домов. В мае 1936 г. была подготовлена “Особая папка” Бурят-Монгольского ОК ВКП(б), где содержались рекомендации о методах сокращения числа лам – от экономических до карательных. Происходили захваты и погромы дацанов, уничтожение религиозных предметов и матриц для печати ксилографов [32, 111–137]. В Бурят-Монголии к 1935 г. в результате ухода лам треть дацанов пустовала [8, 153].

В результате сочетания насилия с экономическими мерами в 1935–1936 гг. было закрыто 70% буддийских храмов и монастырей в Бурят-Монголии и 80% – в Калмыкии. В 1935–1936 гг. в Калмыкии было арестовано не менее 188 лам, в Бурят-Монголии к 1 ноября 1938 г. – 1864, в том числе А. Доржиев. В результате в 1938 г. в Бурят-Монголии было менее 1000 лам, в 1940 г. не осталось ни одного, так же как в Калмыкии. Пик репрессий в отношении буддийского духовенства пришелся на 1937–1938 гг. Их аресты проводились большими группами, а дела рассматривались ускоренно “тройками”, использовались пытки, “признания” не проверялись. В числе обвинений была контрреволюционная деятельность и связи с границей [31, 87–126]. В 1943 г. калмыки были депортированы; есть сведения, что и в сибирской ссылке продолжались преследования их духовных лиц [32, 127–131, 161].

Итак, к 1940 г. в СССР буддийская церковь была ликвидирована. В 1945 г., на основании постановления Совнаркома СССР от 19 ноября 1944 г. был открыт единственный буддийский храм – Иволгинский дацан, в котором под контролем властей проводились службы. В мае 1946 г. совещание буддийских деятелей в Улан-Удэ, под контролем Совета по делам религиозных культов СССР приняло “Положение о буддийском духовенстве СССР”. В 1946 г. был открыт второй буддийский храм – Агинский дацан.

В 1990 г. (период краха социализма) в России открылось 10 буддийских храмов. Далее (после развала СССР) число их, а также центров и общин тибетского буддизма продолжили расти. В настоящее время, хотя большинство буддистов РФ традиционно составляют последователи школы тибетского буддизма Гэлуг, в России существует несколько десятков религиозных центров тибетского

буддизма, относящихся к разным его школам. Фактически и юридически, в РФ нет единой организации, которая ведаёт всеми буддистами.

Монгольская Народная Республика

Возникновение и развитие МНП/МНРП с самого начала проходило под руководством РКП(б)/ВКП(б) и Коминтерна [Кузьмин 2016]. Революционная риторика ранней МНП из высших лам касалась лишь тех, кто признал оккупацию Китаем автономной Монголии в 1919 г. МНП апеллировала к авторитету религии, т.к. на первых порах нуждалась в такой легитимации. В декларации МНП от 25 июня 1920 г. одной из целей ставилось возвышение религии [МУУТА, МБТ, ф. 1, д. 1, х. н. 3, тал 1]. Во время визита в РСФСР в 1920 г. делегация МНП вначале пыталась легитимировать свои действия письмом теократического монарха Монголии – Богдо-гэгэна VIII, но после совещаний с советскими представителями, превысив свои полномочия, отказалась от этого письма и составила собственное [16, 117–129]. На одном из таких совещаний делегация заявила, что Богдо-гэгэн VIII будет оставлен лишь на первое время “для декорума”, а с углублением революционной власти будет “убран” [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 4, л. 24, 25].

1–3 марта 1921 г. в Троицкосавске состоялось совещание, которое позже было объявлено I съездом МНП. Там утвердили партплатформу, где возвышение религии уже не указывалось. Это закономерно с учетом поездки в РСФСР. Более того: в 1921 г. МНП вступила в Коминтерн как сочувствующая организация [28, 35–37, 51]. ЦК МНП должен был знать главные цели Коминтерна, одна

из которых – борьба “с реакционным и средневековым влиянием духовенства” [7, 494].

9 июля 1921 г., через три дня после вступления в монгольскую столицу, в письме временного народного правительства монархическому говорилось: “Все, за исключением религии, подлежит постепенному преобразованию”. МНП стала брать под контроль церкви: отменяла церковные титулы, назначала на некоторые должности, односторонне приняла “Клятвенный договор” (которым Богдо-гэгэн VIII был лишен светской власти), ограничивала доходы духовенства [МУУТА, ф. 1, д. 1, х.н. 76, тал 74–75; 35, 599; 27, 22–23, 94–96, 99–100]. Правительство взяло под контроль Великое шаби – главную институцию, ведавшую духовными учениками Богдо-гэгэна. В этих условиях в Монголии стало набирать силу движение «обновленцев».

После кончины Богдо-гэгэна VIII руководство МНР первое время формально не возражало против выявления новых реинкарнаций лам, но блокировало этот процесс под разными предлогами, используя элементы религиозных установок и традиционализма для борьбы с церковью. Реформы ускорились. 26 ноября 1924 г. была принята первая Конституция МНР (за образец взята советская). В ней декларировалось отделение религии от государства, отмена владетельных прав перерождающихся лам, которые, наряду с ламами, постоянно проживающими в монастырях, лишались избирательного права. Это поражение в гражданских правах было закреплено в “Положении о выборах в Великий народный хурал МНР” в начале 1925 г. [20, 2–21].

По наблюдениям монголоведа В.А. Казакевича в 1924 г., в ряде мест влияние духовенства снизилось [РГА-СПИ, ф. 495, оп. 152, д. 44, л. 1–35]. Но в целом это влия-

ние сохранялось, т. к. имело под собой глубоко укорененную в культурной традиции основу.

В 1925 г. появился план по госстроительству, компонентом которого было определение мероприятий по устранению или ослаблению влияния церкви на население. Предлагалось “организовать тайком левое крыло духовенства”. В этом же духе были выдержаны вышедшие в 1925 г. “Обоснование и тезисы религиозной политики Народно-революционной партии”, где лам делили на группы по доходам, предлагали оказывать поддержку “обновленцам”. МНРП стала принимать меры экономического воздействия [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 28, л. 5–7, д. 39, л. 64–65, 120–133; АВПРФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 6, пор. № 22, папка 112, л. 21, ф. 08, оп. 9, п. 19, д. 101, л. 2–3], что запустило процесс ликвидации шабинской системы (он был завершен в 1925 г.). Государство стало занимать некоторые церковные здания.

1926–1928 гг. известен как период «правого уклона» в МНР (совпавший с НЭПом в СССР). Однако и в этот период отмечалось усиление контроля властей. В 1926 г. под их контролем при центральных монастырях Гандан и Дзун-хурэ была создана религиозная администрация из ученых лам. Главными ее функциями были надзор над деятельностью монастырей, контроль попыток выявления новых реинкарнаций лам, контакты с властями, составление списков лам, частично – надзор за некоторыми другими монастырями [Kaplonski 2014: 146–148].

В 1926 г. был принят закон об отделении церкви от государства. В нем декларировалась свобода вероисповедания, но «ни в коем случае не использовать исповедание религии во вред народной власти или вопреки политическому положению». Закон подтверждал ликвидацию прав перерождающихся лам; ламы, в случае желанья разыскивать новую реинкарнацию, должны были обращаться к прави-

тельству. Последнее имело право отменять или запрещать действия духовного управления «противоречащие народной власти и политике ее» [Монгольское законодательство 1928: 39; АВПРФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 5, пор. № 8, папка 3, л. 1–2].

Так МНРП впервые законодательно присвоила себе функции контроля над выявлением хубитлганов и церковного управления, кодифицировала регулирование церкви. Вместе с тем, этот закон декларировал, что буддизм не имеет особых противоречий с политическим строем и свободой, правительство сочувственно относится к буддизму.

На смену «правому уклону» в МНР пришел «левый» (1929–1932 гг.). Это не было случайностью. В СССР к 1928 г. был свернут НЭП, на смену ему пришла первая пятилетка (1928–1932 гг.) – форсированный курс на индустриализацию и коллективизацию. «Левый курс» МНРП был инициирован и курировался Коминтерном с санкции ВКП(б). Это была попытка форсировать построение социализма по советскому образцу [Кузьмин 2016]. «Левый курс» ознаменовался резким обострением борьбы с буддизмом.

Проводились конфискация имущества лам, выделение монастырского имущества желающим выйти в мир монахам, «джасская кампания» – принудительная передача скота и пашен из имущества общин в аренду аратам. В СССР, в том числе в граничившей с МНР Бурят-Монголии, в 1929 г. был провозглашен курс на коллективизацию и ликвидацию «кулачества». По этому образцу в сентябре 1929 г. президиум ЦК МНРП принял постановление о создании колхозов и госхозов [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 88, л. 65–69; д. 91, л. 15; Будаева 2013: 99–100]. Позже появились другие инструкции. Они не разрешали принимать в колхозы монастырских лам, богачей и дру-

гие «эксплуататорские элементы». Но перешедшие в мир «низшие ламы» охотно принимались.

В апреле 1929 г. прошел VI собор духовенства в духе «обновленцев». Представитель Коминтерна в МНР М.А. Амагаев назвал его «результатом работы партии среди ламства» [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 186–188, д. 88, л. 29, 54–56].

21 февраля – 3 апреля 1930 г. состоялся VIII съезд МНРП, который принял резолюцию по «ламскому вопросу». Духовенство объявлялось враждебным МНР, «обновленчество» – более опасным, чем «реакционное ламство», т. к. затрудняет отрыв аратов от лам и переход в мир «низших слоев ламства». Исходя из обострения классовой борьбы (как и в СССР), МНРП определила задачи, в числе которых – активная политика расслоения духовенства, «разоблачение в глазах широких аратских масс реакционной роли и паразитической сущности всех церковных организаций», экономический подрыв духовенства налогами, содействие переходу монахов в мир, ограничение возраста принятия в монахи, усиление антирелигиозной работы в МНРП и ревсомоле; но вместе с тем – решительный отпор попыткам подменить разъяснительную работу администрированием [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 105, л. 59–62об.]. Для разъяснения новой религиозной политики в мае 1930 г. было издано циркулярное письмо ЦК МНРП и ЦК ревсомола «О работе среди ламства». В отличие от времен «правого уклона», теперь объявлялась враждебность революции и Партии буддизма, как и любой религии [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 105, л. 59–81; Д. 114, л. 2–13, 82–86, Д. 118, л. 35–38].

Эти решения нашли полную поддержку политбюро ЦК ВКП(б) и Коминтерна. 15 июня 1930 г. политбюро ЦК ВКП(б) постановило «проводить политику дальнейшего расслоения ламства», поощрять выход ламской бедно-

ты в мир, но не допускать перегибов. 15 ноября 1930 г. политбюро ЦК ВКП(б) постановило “уделить особое внимание дальнейшему расслоению ламства путем перехода лам в светское состояние” [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 790; оп. 162, д. 9, л. 68, 73]. Другим инструментом борьбы стали открытые судебные процессы над высшими ламами. В 1930 г. был создан Союз безбожников МНР по образцу и при содействии Союза воинствующих безбожников СССР. Все больше людей становились безбожниками, осквернявшими, грабившими и разрушавшими религиозные объекты.

“Левый курс” ознаменовался беспрецедентным ростом восстаний в Монголии, откочевкой населения за границу. Эскалация повстанческого движения достигла апогея в виде крупнейшего народного восстания на северо-западе и западе в 1932 г., переросшего в гражданскую войну. Она поставила под угрозу власть МНРП, что стало причиной отказа от “левого курса” [подробнее см.: 17].

Этот отказ и введение “нового курса” были предписаны политбюро ЦК ВКП(б). Положение буддийской церкви несколько улучшилось, но одновременно усиливался контроль, главным инструментом которого стал институт уполномоченных правительства при крупных монастырях. С 1934 г., под влиянием политбюро ЦК ВКП(б) и лично И.В. Сталина, давление на церковь в МНР стало быстро расти. Лучше других смог выполнять сталинские “советы” Х. Чойбалсан. Была введена уголовная ответственность за прием несовершеннолетних в монастыри, монахов лишили избирательных прав, на разные группы лам ввели прогрессивный подоходный налог, ставки которого быстро росли, в то время как число плательщиков сокращалось [15].

По указаниям Сталина были приняты ключевые решения по ликвидации церкви в МНР. На Монголию перекинулся “большой террор” из СССР. В мае–июле

1937 г. МВД МНР на основе допросов все “ламские заговоры” объединило в одну систему, якобы руководимую неким “контрреволюционным центром”. Это было неслучайно. В связи с ожидавшимся нападением Японии на МНР, на 27 августа 1937 г. в МНР был запланирован ввод советских войск. Протокол заседания политбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1937 г. включал пункт: “Обязать НКВД СССР послать с т. Мироновым группу чекистов для оперативной работы в МНР” [РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 21, л. 149]. 24 августа 1937 г. в МНР прибыли чекисты: М.П. Фриновский – замнаркома внутренних дел Н.И. Ежова, руководитель главного управления госбезопасности НКВД СССР и один из организаторов “большого террора” в СССР, П.А. Смирнов – начальник политуправления Красной армии и С.Н. Миронов – бывший начальник УНКВД по Западно-Сибирскому краю, назначенный полпредом в МНР. Вскоре начались аресты и допросы при участии советских инструкторов. Кульминацией репрессий против духовенства стал процесс “контрреволюционного центра”, которым якобы руководили высшие монгольские ламы [15].

Налоговое давление в объемах, заведомо исключавших возможность выплат, массовые репрессии лам по обвинению в контрреволюционной деятельности, работе на Японию, запрет высших должностей в монастырях, антирелигиозная пропаганда с политическими обвинениями, закрытие и переселение монастырей из приграничных районов – все эти меры сделали невозможной церковную жизнь и привели к ликвидации церкви. Ламы, которые не подверглись репрессиям, вынуждены были выходить в мир. Восстания были уже невозможны: влияние церкви было подорвано, а силовой аппарат государства усилился настолько, что контролировал положение. К концу 1930-х гг. было казнено большинство высших лам, все монастыри

закрыты и почти все уничтожены, имущество изъято или уничтожено.

К 2017 г. было реабилитировано 18816 репрессированных представителей монгольского духовенства [22, 22]. В 1944 г., под влиянием внешнеполитической обстановки и с санкции Сталина, был открыт монастырь Гандан-тэгченлин в Улан-Баторе, который оставался единственным действующим до падения социализма в Монголии в 1992 г. С тех пор в стране открываются все новые монастыри. Но правительство не оказывало и не оказывает им сколько-нибудь серьезной поддержки, не занимается восстановлением монастырей.

Тувинская Народная Республика

Буддизм в Туве распространялся в целом параллельно с его распространением в Монголии. В 1914 г. Тува стала протекторатом Российской Империи. Революции 1917 г. в России стали скоро известны в Туве. 18 июня 1918 г. на совместном заседании русского и тувинского съездов был единодушно принят Договор о самоопределении Тувы, объявлявший ее независимой. В августе 1921 г. Всетувинский учредительный хурал представителей всех хошунов (административно-территориальных единиц) Тувы, на котором присутствовали представители РСФСР и Коминтерна в Монголии, утвердил Конституцию Народной Республики Танну-Тува (ТНР). Конституцией устанавливалась свобода вероисповедания, буддийская церковь лишалась руководящего положения в политической жизни страны. Многие руководители и чиновники ТНР были выходцами из ламской среды. Высшие ламы и монастырские хозяйства освобождались от несения государственных повинностей и налогов. Монастыри

как самостоятельные хозяйственные единицы, владевшие своим имуществом, земельными угодьями, скотом, пастбищами и работниками, продолжали функционировать; в 1920-х гг. их число возросло с 20 до 25 [21; 31, 312].

В 1923 и 1924 гг. в Туве произошли восстания против прокоммунистической власти ТНРП и за присоединение к Монголии. Повстанцы заявляли, что председатель ЦК ТНРП и войсковые командиры распорядились уничтожить тамошние монастыри [РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 29, л. 337–340]. Вероятно, это имело под собой определенные основания. Летом 1924 г. советник советского посольства в Туве П. Медведев посоветовал руководителям ТНРП взять решительный курс на изживание религии, но это предложение было отвергнуто тувинским руководством. 8 марта 1928 г. начался всетувинский буддийский съезд, который открыл генеральный секретарь ЦК ТНРП Соднам. Он указал, что религию надо сделать чистой – то есть солидаризировался с «обновленцами». То же отмечалось и в выступлениях участников съезда. В мае 1928 г. Малый хурал ТНР принял закон о свободе вероисповедания, ограничивавший деятельность религиозных организаций. Затем последовал указ, запрещающий ламам, не достигшим 18 лет, присваивать духовное звание [21]. Политика тувинского руководства в тот период была направлена на регулирование деятельности буддийской церкви [31, 314].

В начале 1929 г. по указаниям Коминтерна “правые” были изгнаны из руководства ТНРП и к власти пришли “левые” – так же, как в МНР. В августе–сентябре исполком Коминтерна направил VIII съезду ТНРП директиву, предписывавшую форсировать расслоение “ламства” и решительно бороться с его “контрреволюционной верхушкой”. Вместе с тем, предписывалось очень осторожно от-

носиться к “ламскому вопросу”, не ставя на повестку атеистическую пропаганду. Однако на VIII съезде ТНРП (сентябрь–ноябрь 1929 г.) был взят курс на ликвидацию буддийской конфессии, конфискацию имущества лам и монастырей, недопущение лам в органы власти, ограничение доступа в монастыри несовершеннолетних, антирелигиозную пропаганду. Возрастало налоговое давление на монастыри, подавлялась тибетская медицина. Согласно Конституции, принятой в октябре 1930 г., ламам запрещалось носить монашескую одежду, проводить религиозные мероприятия без разрешения властей. В 1930 г. принят указ о добровольной сдаче населением предметов культа. “Ламство” было признано классовым врагом. Одной из главных задач стал его раскол. Из 25 монастырей с 2200 лам в 1929 г. к 1932 г. остался один с 15. При этом власть формально не поддерживала применение административных и репрессивных мер против религии [31, 314–319]. Несколько храмов было разрушено, предметы культа и буддийская литература уничтожались [Терентьев 2014: 106–109]. Репрессии вызвали восстания. Повстанческое движение усилилось в 1932 г. [25] – как и в МНР.

В марте 1932 г. к власти в ТНР пришел сталинист С.К. Тока. Но в СССР решили, что продолжение “левой” политики может привести к неуправляемости (как и в МНР), и через Коминтерн было сделано внушение за слишком жесткие методы в отношении буддизма. Давление властей ослабло. В результате в 1934 г. в Туве было уже четыре монастыря и 106 лам, в 1936–569 лам. Но затем началось подавление буддизма. В 1937 г. осталось уже пять монастырей с 67 ламами, к началу 1940-х гг. – только два монастыря на полулегальном положении [31, 314–319]. Тока активно перенимал опыт репрессий непосредственно от одного из главных деятелей “большого террора” в СССР – Фриновского [10, 36]. За ламами приезжа-

ли в несколько приемов: сначала брали верхушку, затем следующий слой, и так до конца. Из 3500 лам, которые были в Туве в 1928 г., почти никого не осталось [32, 111]. Фриновский, как и в МНР, использовал список участников “контрреволюционного заговора” в ТНР, обвинения и здесь включали контрреволюционную деятельность, работу на японский империализм и т. п. [30, 63–65].

В сентябре 1944 г. Тува вошла в состав СССР. В последующем там были два молитвенных дома, где проживали шесть священнослужителей [31, 314–319]. В 1960 г. в Туве был закрыт последний буддийский центр [21]. Ламы перешли к подпольному отправлению культа. Есть сведения, что в 1981 г. там практиковали 12 лам, в 1984 г. – 11, но ко времени визита Далай-ламы XIV в 1992 г. остался лишь один [32, 164, 167]. Дальнейшее возрождение буддизма в Туве происходит в постсоветское время.

Китайская Народная Республика

Благодаря помощи СССР, КПК победила Гоминьдан в гражданской войне и провозгласила КНР. КПК предъявила претензии за все «территориальное наследие» распавшейся империи Цин. Эти претензии формулировались как «освобождение». КНР была провозглашена 1 октября 1949 г. в Пекине.

В 1949–1950 гг. армия КПК заняла часть тибетских территорий, раньше входивших в провинции империи Цин. В 1950 г. она разбила армию правительства Лхасы и объявила о продвижении на контролируемую им территорию. В прокламации китайской армии от 10 ноября 1950 г. говорилось, что она будет охранять имущество всех религиозных организаций, свободу вероисповедания, буддийские монастыри и храмы, а реформы будут проводить-

ся по желанию народа и при консультациях с тибетскими властями [44, 8–9]. Это было логично: Китай еще не контролировал весь Тибет.

23 мая 1951 г. в Пекине было подписано “Соглашение между центральным народным правительством Китая и местным тибетским правительством о мероприятиях по мирному освобождению Тибета”, по которому Тибет входил в состав КНР. Оно было подписано под угрозой силы, содержит ряд неверных утверждений и противоречий [13, 189–193]. 29 октября в Лхасу вошли китайские войска. Их пребывание там вызвало экономические проблемы и рост напряженности. Китайские командиры стали посещать монастыри для проведения митингов с настоятелями и старшими ламами [46, 43]. Они иногда делали подношения монастырям.

В декабре 1951 г. политотдел 18-го армейского корпуса издал “Руководство по военному наступлению” в Тибете, которое разъясняло политику КПК: уважать обычаи и религию тибетцев, допускать пропаганду лишь с санкции парткома, не говорить о классовой борьбе и земельной реформе, не агитировать против “суеверий”. Коммунисты надеялись, что со временем простые тибетцы поставят во главу угла свои классовые интересы и поддержат их, а пока старались проводить свою политику через традиционную тибетскую власть [39, 181–184].

8 октября 1952 г. Мао заявил, что КПК приняла политику “защиты религии” [13, 44]. В июне 1953 г. в Пекине была создана Китайская буддийская ассоциация, в совет которой вошли и представители тибетского буддизма. В сентябре 1954 г. в Пекине работала 1-я сессия ВСНП, где была принята Конституция КНР. В сессии принимали участие буддийские монахи, в том числе Далай-лама XIV. Он был избран зампреда комитета постоянного комитета ВСНП, Панчен-лама – его членом.

Добиваясь доверия тибетцев, китайские власти могли убедиться, что реформировать изнутри их общество не удастся. На землях, подчиненных Лхасе, реформа должна была пройти революционным путем. В других частях Большого Тибета – в Каме и Амдо, а также в Кукуноре, включенных в китайские провинции, где КПК достигла прочного положения, она уже началась. Эта реформа состояла в перераспределении земли, подавлении землевладельцев, контрреволюционеров, запуске классовой борьбы. К середине 1950-х гг. Китай в основном завершил ее. В 1955–1956 гг. там началась ускоренная коллективизация. Пока было сделано исключение лишь для территорий, подконтрольных Лхасе: якобы на тибетских землях китайских провинций исторические условия были другие, и реформ там просило население [53, 387]. Но истинная причина была в эффективном правительственном контроле.

В Каме и Амдо отдельные столкновения происходили уже в 1949 г. Вначале беспокойством были охвачены монастыри, племенные вожди и феодалы. В 1953 г. китайские коммунисты произвели первые разрушения в монастырях Амдо. В конце 1955 и 1956 г. Кам и Амдо охватили восстания и бои. Китайцы проводили публичные пытки и казни лам, артобстрелы и авиабомбардировки некоторых монастырей и населенных пунктов. Ряд монастырей был разрушен [23, 37; 57; 53, 410; 50, 140; 45, 613]. Одновременно с подавлением народных восстаний китайцы продолжали свою реформу.

Сохранились десятки свидетельств того, как коммунисты закрывали тибетские монастыри во второй половине 1950-х гг. В части монастырей религиозные изображения облагались налогами. Обычным делом было разрушение и осквернение религиозных изображений, храмов, превращение последних в китайские казармы и конторы, арест

высших лам, принуждение монахов к строительству автодорог и казарм, женитьбе или сожителству с женщинами, конфискация их имущества, нищета стариков, изгнанных из монастырей. Обычно лам пытали китайцы, поскольку даже тибетские красные активисты отказывались в этом участвовать. В ряде случаев эти попытки были частью атеистической пропаганды [49; 23, 38; 57; 53, 404].

В 1958 г. в КНР объявили курс Большого скачка, означавший форсированное строительство коммунизма. Реформы в Каме и Амдо стали еще радикальнее. В результате карательных акций в некоторых местах Амдо не осталось мужского населения, проводились уничтожение духовенства, массовый вывод монахов в мир, ликвидация монастырей (в том числе не участвовавших в восстании). В СМИ велась активная антирелигиозная пропаганда [23, 41–43; 53, 442–443].

На территории, подведомственные Лхасе, где реформа еще не проводилась и восстаний не было, стали прибывать беженцы. Стали формироваться партизанские отряды, в 1957 г. объединившиеся в движение сопротивления – Тенсунг Дхангланг Магар (Добровольческие силы защиты [буддийского] Учения). Партизаны отвоевали у китайцев почти весь Южный Тибет и часть Восточного. “Великие монастыри” были недовольны репрессиями против многочисленных “дочерних” монастырей в Каме и Амдо [4, 263]. Все больше тибетцев уходили к партизанам. Мао собирался использовать это: “Восстания, подобные этому, крайне благоприятны для нас, потому что они... дают достаточный повод разгромить восстание и провести всеобъемлющие реформы в будущем” [41].

В марте 1959 г. началось народное восстание в Лхасе с требованиями независимости и защиты религии. Из-за опасности со стороны китайцев Далай-лама XIV бежал в Индию. С санкции руководства КПК китайский гарни-

зон приступил к подавлению, подверг артобстрелу Лхасу, храмы и близлежащие монастыри. Развивая успех, уже к 28 марта китайцы заняли ряд важных пунктов, однако партизанское движение продолжалось еще более 10 лет. По китайским данным, только за 1959–1961 гг. в будущем ТАР было убито, ранено и арестовано 81 тыс. человек [36, 89].

Подавляя восстание в Тибете, КПК использовала политику, объединявшую три элемента: “военное нападение, политическое склонение на свою сторону и мобилизацию масс”. Газета “Жэньминь жибао” писала 31.03.1959: “Всех военнопленных не будут ни убивать, ни оскорблять, будут строго наказывать только тех, кто будет оказывать упорное сопротивление. Части Народно-освободительной армии в Тибете будут по-прежнему придерживаться последовательного курса уважения религиозных верований, обычаев и привычек народных масс, защиты ламаистских монастырей и древних памятников культуры” [23, 24–25]. В том же стиле 3 июля 1959 г. высказался Чжан Гохуа – генерал, возглавлявший китайские войска, вошедшие в Лхасу после заключения соглашения о “мирном освобождении”: большинство лам были бедными, монастыри жестоко эксплуатировали их, там была строгая классовая система, эти ламы настоятельно требуют освобождения, поэтому в монастырях будет проведено движение против мятежа, привилегий и эксплуатации; в то же время необходимо неуклонно проводить политику партии и правительства о свободе вероисповедания, “соблюдать законы ламаистов, а также сохранять культурные памятники в монастырях” [РГАСПИ, ф. 495, оп. 225, д. 3396/3, л. 94].

В 1959 г. демократическая реформа началась на территориях, подконтрольных Лхасе. Основным ее содержанием являлось “освобождение крепостных” (которых в Тибете не было), перераспределение земли и скота, форми-

рование новых производственных и социальных отношений. Затронула она и монастыри. Примерно в 1960 г. власть и землевладение церкви в основном были упразднены, тысячи монахов выведены в мир. Затем была проведена коллективизация, вызвавшая голод.

По китайским данным, число действующих монастырей и храмов в будущем ТАР снизилось с 2711 в 1958 г. до 370 в 1960 г. [53, 474]. По китайским данным, до 1958 г. в Цинхае (Кукунор, или Амдо) было 722 тибетских монастыря, численность духовенства – 61387 чел. После реформы там остались нетронутыми 11 монастырей; в 1958 г. в провинции Ганьсу было 369 монастырей, незакрытыми остались лишь 8, из 16900 монахов – 571 [42, 46]. На территориях, подведомственных Лхасе, численность духовенства снизилась с 114100 чел. в 1958 г. до 18104 чел. в 1960 г. [53, 474]. Некоторые монастыри китайцы превратили в тюрьмы, казармы, склады, хлева и т. д. Вывозились металлические предметы культа, которые можно было переплавить, все ценности, а остальное уничтожалось [58, 80; 54, 116; 52; 46, 72–75; 48, 24].

Уход монахов в мир подавался как реализация свободы вероисповедания, предполагалось, что большинство монахов стали таковыми против своей воли. Десятки тысяч изгнанных монахов не могли найти работу, становились бедняками или нищими [3; 4, 272].

Панчен-лама Х представил Мао Цзэдуну “Послание из 70 тыс. иероглифов”. Он писал, что монахов выводили в мир насильно, те, кто протестовал, попадали под надзор или в заключение, туда же попадали отшельники из уединенных келий; чиновники составляли списки обрядов, подлежащих ликвидации, религиозная жизнь нарушалась, обряды запрещались [47, 49–58]. Послание Панчен-ламы было рассмотрено руководством КПК. В результате освободили некоторых арестованных, восстановили неко-

торые храмы, в некоторых монастырях разрешили службы. Есть сведения, что с 1962 по 1966 г. в Цинхае вновь открыли 137 монастырей, в Ганьсу – 107, число монахов в обеих провинциях возросло до 4 тыс. [42, 2005]. Коллективизацию приостановили на ближайшие пять лет.

В 1960-х гг. в уцелевших монастырях стали создавать комитеты демократического управления, существующие по сей день. Надзор за монастырями поручили представителям Комиссии по делам национальностей, которые обосновались в монастырях [4, 275]. В 1964 г. политические кампании в будущем ТАР стали более интенсивными, коммунисты разработали детальное классовое деление тибетского общества, в том числе духовенства [50, 294–296]. В 1965 г. был провозглашен ТАР.

Официальную позицию КПК по тибетскому буддизму отражает политический доклад на VII сессии ПК ТАР 4 октября 1964 г. 2-го секретаря тибетского рабочего комитета КПК – уже упоминавшегося генерала Чжана Гохуа:

«Что касается отпавших вместе с изменением феодально-крепостнического строя – во время демократических реформ специфического церемониального языка, своеобразной, неудобной и труднодоступной древнетибетской письменности, оригинальных роскошных одеяний, которые служили специально феодально-крепостническому классу – то они отпали естественно. Они должны были отпасть <...> Монастыри были одним из трех властителей Тибета, причем наиболее жестоко угнетавшим и эксплуатиовавшим народные массы. В монастырях также существовал феодально-крепостнический строй. Это основная причина того, что часть реакционной верхушки ламства монастырей решительно выступала против демократических реформ, занималась активной организацией мятежа и принимала в нем деятельное участие. Мы, коммунисты, являемся марксистами, мы атеисты. Но мы уважаем религиозные верования народа, потому что это идеологический вопрос,

по отношению к которому нельзя применять административные меры. Курс партии в отношении религии и монастырей в Тибетском районе заключается в следующем: “политическое единство, свобода вероисповеданий, отделение церкви от государства”. “Политическое единство” означает следующее: религия должна подчиняться практике, находится под управлением правительства, любой монастырь, любой монах должны соблюдать политику и законы государства. “Свобода вероисповедания” означает, что народ свободен быть верующим или неверующим. Как верующие, так и неверующие... всем им предоставляется свобода, и тем и другим в равной мере оказываются уважение и защита. Принуждение к исповеданию или неискповеданию религии является ошибкой, нарушением политики партии в отношении свободы религиозных верований. Однако защита свободы религиозных верований ни в коем случае не означает, что свобода предоставляется и контрреволюционным элементам, прикрывающимся религией. Служители культа должны соблюдать политику и законы государства, никому не позволено использовать религию для ведения противозаконной, подрывной деятельности. <...> “Отделение церкви от государства” означает отделение религии от политики. Т.к. вероисповедание является частным делом каждого, то партия и правительство в вопросе верований народа проводят политику свободы религиозных вероисповеданий. Однако каждый должен соблюдать политику и законы правительства, здесь не может быть исключений. Поэтому церковь должна быть отделена от государства, правительство должно ведать монастырями, конституция и законодательство должны распространяться на монастыри. Недопустимо, чтобы религиозная деятельность мешала делу революции... Теократия, установленная феодально-крепостническим классом Тибета в прошлом, служила цели сохранения феодально-крепостнического строя, она использовала религию и монастыри для того, чтобы править народом, угнетать и эксплуатировать народ. “Движение против трех”: мятежа, гнета и эксплуатации,

феодалных привилегий, проводимое нами в монастырях, а также демократическое управление, осуществляемое после движения против трех, направлены против феодально-крепостнического уклада монастырей, против их феодальных привилегий... Мятеж – это не война в защиту национальности и религии, а контрреволюционная война в защиту феодально-крепостнического строя, классовая война крепостников против освободившихся крепостных» [РГАСПИ, ф. 495, оп. 225, д. 3396/3, л. 77–88].

В целом, это соответствует и современной религиозной политике КПК.

В 1966 г. Мао Цзэдун инициировал и возглавил Великую пролетарскую культурную революцию¹. Одной из ее целей было окончательное уничтожение традиционализма. Это вверили цзаофаням (“бунтари”) и хунвэйбинам (“красные охранники”; более точный перевод – “красногвардейцы”). Почва уже была подготовлена демократической реформой.

21 июня 1966 г. “Жэньминь жибао” напечатала статью “Идеи Мао Цзэдуна побуждают Тибет освободиться от серьезных феодальных пороков”. Она призывала бороться с феодально-теократической идеологией, с “четырьмя старыми”, добиться повсеместного распространения идеологии Культурной революции. “Четыре старых” – это старые идеи, культура, привычки и обычаи [Горбунова 2008: 145].

27 августа “красногвардейцы” в Лхасе распространили программу по борьбе с “четырьмя старыми”. Среди них следующие: надо отменить отмечание религиозных праздников; разрушить все большие и малые ступы, все стены с *мани*, религиозные флаги и курильницы; запретить все книги, восхваляющие идеализм; никто не должен читать молитвы, совершать обходы святынь и простирания; нельзя советоваться с оракулами и предсказателями; должны

¹ Это официальное китайское название.

быть уничтожены все фотографии Далай-ламы и Панчен-ламы; все монастыри и храмы, кроме находящихся под охраной правительства, должны быть превращены в места общественного пользования; должно быть еще большее политическое и идеологическое воспитание монахов и монахинь; им надо разрешить отказываться от религиозных обязанностей и обетов без давления со стороны монастырей, разрешить жениться, они должны заниматься производительным трудом [50, 320–321].

В связи с эскалацией погромов, 16 марта 1967 г. ЦК КПК, Госсовет и Центральная военная комиссия вынуждены были выпустить циркуляр об охране госимущества [Но 2006: 69–71]. Но бороться с бандами было нельзя: Мао Цзэдун и его ЦК на этот счет дали четкие инструкции [19, 203–204]. Чжан Гохуа, запретивший деятельность хунвэйбинов в Тибете, был обвинен в противодействии линии Мао, арестован и тайно вывезен в Пекин [РГАСПИ, ф. 495, оп. 225, д. 3396/3, л. 65].

“Красногвардейцы” и “бунтари” не были упорядоченной структурой. Они составляли банды, между которыми шла борьба за влияние. В Тибете с 1967–1968 гг. происходили настоящие бои между этими бандами, в которых гибли тысячи их членов. Одновременно там шли восстания против КПК.

В буддийских регионах КНР “красногвардейцы” и “бунтари” искали религиозные предметы. Часть их опечатывали, религиозные книги сразу сжигали [54, 129–130]. Повсеместно шли “митинги борьбы”, когда толпа избивала и оскорбляла человека на глазах его родственников. Многие становились калеками или умирали. Применялись разнообразные пытки. Они могли повторяться через определенное время (например, ежедневно) неделями и даже годами. “Борьбе” мог подвергнуться каждый, но больше шансов было у духовенства и феодалов. Не из-

бежал этого даже Панчен-лама. В тюрьмах “борьба” практиковалась постоянно [46, 135–137; 50, 322; 56, 117–120].

Общие потери тибетского населения за время правления Мао Цзэдуна, по разным оценкам, составили от 3 до 30%. Комитет по соблюдению законности Международной комиссии юристов, ассоциированной с ООН, сделал вывод, что в Тибете совершались акты геноцида по национальному и религиозному принципам [13, 346].

В Большом Тибете из 6259 монастырей и других религиозных центров осталось всего 8 с менее чем 1 тыс. монахов [53, 561]. Уцелевшие храмы использовали под школы, тюрьмы, склады, конюшни, казармы, жилье и т. д. С 1966 по 1970-е гг. были разрушены почти все оставшиеся монастыри тибетского буддизма, в том числе главные монастыри всех его школ, уничтожено большинство предметов культа и религиозных письменных материалов.

После смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. в КПК одержали верх Дэн Сяопин и его реформаторская группа. Положение тибетцев улучшилось. Из тюрем освободили часть заключенных, в том числе Панчен-ламу Х, который вновь стал членом ПК НПКСК КНР. Религиозная жизнь стала быстро восстанавливаться. Тибетцам и внутренним монголам разрешили носить национальную одежду, выполнять религиозные обряды. Начались переговоры с представителями эмигрировавшего Далай-ламы XIV. С разрешения властей стали открываться и строиться монастыри. Некоторые проекты восстановления финансируются китайским правительством, на что выделяются значительные средства. До 2000 г. в ТАР, по китайским данным, было открыто 1700 мест отправления культа. По данным Китайского центра тибетских исследований, в тибетских административных единицах вне ТАР их 1535 [38]. Это около половины того, что было до китайского вторжения. Значительно возросло число монахов и монахинь.

К началу XXI в. их численность достигла 120 тыс. человек, из них 46 тыс. в ТАР [51].

Вместе с тем, религиозная деятельность в КНР жестко контролируется властями. Для открытия или расширения монастыря требуется сложная процедура получения разрешения от властей. Число монахов регулируется; если в монастыре больше монахов, чем разрешено, их отправляют по месту жительства. В монастырях проводят длительные собрания для политвоспитания монахов. Выявление новых перерождений лам регулируется государством. Результатом стало исчезновение Панчен-ламы XI, выявленного Далай-ламой XIV согласно религиозным канонам, и утверждение властями в качестве Панчен-ламы другого мальчика [1, 12].

К 2007 г. процедура выявления реинкарнаций была кодифицирована. 13 июля 2007 г. Государственное управление по делам религий КНР на своем совещании предложило, изданные 18 июля и введенные в действие 1 сентября “Меры по управлению реинкарнацией живых Будд в тибетском буддизме” [26]. Согласно этому приказу, в противоречии с религией, аутентичность реинкарнаций определяется двумя критериями: политической целесообразностью и ритуальными действиями, в том числе имитацией обрядов, которые в настоящее время не имеют религиозного содержания. Главы школ тибетского буддизма выступили против этого “Приказа” [43, 37–48].

Во Внутренней Монголии в цинский период было 2800 храмов и монастырей, более 100 тыс. лам [24, 81]. Внутренняя Монголия стала одним из первых регионов, где благодаря Сталину установилась власть КПК. Вскоре после этого – в 1947–1949 гг. там была проведена аграрная реформа и конфискация имущества у крупных “духовных феодалов”, в процессе которой были допущены “отдельные ошибки и перегибы” в отношении лам [11, 106; 2, 60].

Примерно в 1954–1956 гг. там проводилась коллективизация. Красные реформы вызывали сопротивление монголов. Но в целом до 1958 г. политика КПК во Внутренней Монголии обозначалась термином “без борьбы”. Эта политика закончилась с началом Большого скачка в 1958 г. [40, 116]. Земли и другое имущество монастырей национализировались, монастыри закрывались. Монахи выводились в мир, им давали часть монастырского имущества. Но к началу Культурной революции там еще функционировало 500 монастырей [37].

Культурная революция перекинулась на Внутреннюю Монголию из Китая. Инициировали ее китайские хунвэйбины, сразу начавшие завлекать в свое движение монгольскую молодежь. Так же, как в Тибете, во Внутренней Монголии целью Культурной революции было разрушение “четырех старых”. Это привело к массовому уничтожению и разграблению объектов религиозной культуры. Любое проявление монгольской культуры – даже ношение национальной одежды – объявлялось национализмом и сепаратизмом, и было крайне опасным. Культ обо пережил период коллективизации, но теперь был запрещен. Было объявлено, что враг использует религию и национализм против Культурной революции. Главной целью этой пропаганды стали ламы и верующие монголы [55, 416–421]. По Внутренней Монголии прокатилась волна репрессий против монголов по национальному признаку, что рассматривается как геноцид [59, 1–76]. Храмы и монастыри были закрыты, почти все разрушены. Большинство лам подверглось репрессиям [2, 121].

После Культурной революции возобновилось отправление буддийского культа, стали восстанавливаться храмы и монастыри, в том числе с помощью государства. В настоящее время во Внутренней Монголии государство охраняет 74 религиозных сооружения [37].

Официальная точка зрения в КНР состоит в том, что тибетский буддизм там должны регулировать и контролировать власти, а сам буддизм должен меняться согласно политической целесообразности. Никакое влияние из-за границы на религиозную жизнь не допускается – в особенности со стороны Далай-ламы XIV и других лам в эмиграции. Китайские власти не допускают восстановления тибетского буддизма на подконтрольных им территориях в объеме, который был до Мао Цзэдуна.

Заключение

Приведенные выше данные позволяют сделать некоторые общие выводы о судьбе тибетского буддизма в странах, строивших коммунизм. Отношение коммунистов к религии сформулировал еще В.И. Ленин в 1909 г.: «Религия есть опиум народа, – это изречение Маркса есть краеугольный камень всего мирозерцания марксизма в вопросе о религии» [18, 416].

Но фактически сам марксизм-ленинизм в СССР, ТНР и МНР был религией (хотя таковой официально не признавался), а в КНР остается таковой и сейчас: непогрешимость догмы («учение Маркса всесильно, потому что оно верно»); эсхатология – коммунизм как будущее человечества; культ непогрешимых К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и мессианство; канон из их произведений; культ революционных мест и останков революционеров; институт «мучеников» революций и гражданских войн; мировое зло – «эксплуатация человека человеком»; иконы – изображения классиков и вождей; пропагандистская литература вместо религиозной; служители культа – партийные идеологи; обряд посвящения – церемония приема в партию; система ритуалов идейно-политического воспитания;

миссионерство – коммунистическая пропаганда; проповеди – выступления идеологов на митингах; идеологическая регламентация жизни, власти, науки, искусства и т. д.

Марксизм-ленинизм не должен иметь конкурентов – это угроза власти красных партий. Отсюда разгром ими традиционных религий. На рассматриваемых территориях народы, исповедующие тибетский буддизм, были наиболее привержены своей религии, которая была опорой их традиционализма и цивилизационной идентичности. Поэтому она являлась главным препятствием их коммунизации.

И.В. Сталин, под руководством которого был уничтожен буддизм в СССР, МНР и ТНР, считал «ламство» продуктом упадка, а высших лам – врагами, действовавшими в интересах Великобритании, США (Тибет) и Японии (СССР, ТНР и Монголия) [29, 329; РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 352, л. 13–15, 22–24]. Мао Цзэдун придерживался сходных заблуждений. Перед отъездом Далай-ламы из Пекина в 1954 г. Мао сказал ему: “Религия – это яд. У нее два недостатка – во-первых, она тормозит рост населения и, во-вторых, тормозит развитие страны. Тибет и Монголия были отравлены ею” [9, 113].

В отличие от СССР, МНР и ТНР, в Тибете и Внутренней Монголии уничтожение религии сопровождалось репрессиями по признаку национальности, что обоснованно квалифицируется как геноцид тибетцев и монголов. На остальных рассматриваемых территориях репрессии не носили характера притеснений по национальному признаку (за исключением депортации калмыков, которая признана геноцидом официально: Закон РСФСР от 26 апреля 1991 года № 1107–1 “О реабилитации репрессированных народов”).

Изложенные выше данные показывают, что ликвидация религии была целью ВКП(б), МНРП, ТНРП и КПК

уже со времени их прихода к власти. Эти данные позволяют построить общую типологию путей реализации данной цели, которые образуют следующую временную последовательность (хотя периоды усиления и ослабления красных репрессий против буддизма во всех рассматриваемых странах зависели от политической конъюнктуры).

1. Первоначальное ослабление влияния духовенства. Данный период охватывает в РСФСР/СССР 1917–1928, в МНР и ТНР – 1921–1928, во Внутренней Монголии – 1947–1957, на тибетских территориях в составе китайских провинций – 1949–1954, в будущем ТАР – 1951–1959 гг.

В Монголии, Туве и Тибете идеологический и экономический контроль красных партий в этот период еще полностью не установился, влияние этих партий было слабее влияния церкви, в связи с чем, власти там старались заручиться лояльностью лам, декларировали уважение к буддизму. Одной из форм этого была политика «единого фронта» в будущей МНР, ТНР и Тибете, при которой в структуры власти включались представители высших слоев старого общества. Вместе с тем, проводились законодательные, экономические и административные меры по ограничению влияния и экономической мощи церкви, ликвидации светской власти теократии. В будущей МНР и ТНР этому способствовала также поддержка движения «обновленцев», принятие законов о свободе вероисповедания и отделении церкви от государства по примеру СССР. Отдельные заговоры и выступления, организованные духовенством, пресекались. В целом, относительная мягкая политика была тактикой, вызванной необходимостью установления эффективного контроля: далее этим регионам предстоял путь радикальных реформ.

В Гражданскую войну в России красные громили храмы и убивали лам, в отличие от ТНР и МНР, где церковь почти не пострадала. Победа большевиков в Гражданской

войне означала установление их эффективного контроля над Бурятией и Калмыкией. Следствием этого была изначально более радикальная религиозная политика: закрытие и конфискация некоторых храмов и их имущества, контроль ОГПУ за церковь. Проводились и меры по налоговому давлению на монастыри, контролю за их имуществом. Однако в РСФСР/СССР, как и на других рассматриваемых территориях, были кратковременные фазы ослабления давления и даже рост отдельных монастырей.

2. Борьба с религией в период форсированного строительства социализма. Данный период охватывает в СССР 1928–1935, в МНР и ТНР – 1929–1932, во Внутренней Монголии – 1957–1966, на тибетских территориях в составе китайских провинций – 1955–1962, в будущем ТАР – 1959–1962 гг.

Поскольку коммунизм несовместим с религией, чем быстрее он строится, тем быстрее его строители разрушают религию. Данный период повсеместно совпадает с проведением радикальных реформ (перераспределение земли, коллективизация, Большой скачок и т. п.). В отношении буддийской церкви общим для всех рассматриваемых регионов являются искусственные уменьшение численности и раскол духовенства властями, вывод монахов в мир, ограничение доступа в монастыри молодежи, репрессии в отношении духовенства (прежде всего высшего), ужесточение надзора за монастырями, закрытие и погромы храмов, уничтожение предметов культа и религиозной литературы, конфискация имущества церкви и повышение налоговой нагрузки на нее, массированная антирелигиозная пропаганда, создание антирелигиозных обществ и печатных органов, подавление масштабных народных восстаний против реформ и преследований буддизма.

Даже в этот период «левой политики» руководители ВКП(б), МНРП, ТНРП и КПК указывали, что борьбу с религией надо вести систематически, а не администри-

рованием. Во исполнение этого чиновникам приходилось выполнять невыполнимое: проводить реформу по желанию населения, которое ее не желало, достигать быстрых результатов без радикализма, в то время как отсутствие таких результатов могло иметь для них опасные последствия. Иногда виновные несли наказания за свои беззакония, но курс оставался прежним.

3. Кратковременный отказ от радикальных мер против религии. Данный период охватывает в МНР и ТНР 1932–1936, в Тибете – 1962–1966 гг., на остальных рассматриваемых территориях не фиксируется.

Ослабление давления на церковь было вынужденной мерой. Оно имело место в регионах с наибольшим влиянием буддизма, где происходили самые масштабные народные восстания. В этот период, наряду с продолжающимся подавлением этих восстаний, проходило открытие некоторых монастырей и храмов, освобождение части монахов, некоторый рост численности духовенства.

4. Коммунистический террор. Данный период охватывает в СССР, МНР и ТНР 1937–1939 (пик – 1937–1938) гг., в КНР – 1966–1976 (пик – 1966–1969) гг.

В СССР, МНР и ТНР, где политику определяло руководство ВКП(б), это было время «большого террора» инициированного И.В. Сталиным, в КНР – Культурная революция, инициированная Мао Цзэдуном. Общими декларациями были «усиление классовой борьбы» и «борьба с контрреволюционными элементами», фактическим содержанием – сохранение личной власти обоих лидеров путем ликвидации старых партийно-государственных кадров и создания в обществе атмосферы ненависти, уничтожение традиционализма. Это проводилось двумя разными методами: террором посредством управляемого хаоса (в КНР) или государственным террором (СССР, ТНР и МНР).

В отношении буддийской церкви общим в этот период являются массовые репрессии в отношении духовенства, ликвидация всех церковных структур, закрытие всех монастырей и храмов, их массовое разрушение, массовая передача государству или уничтожение предметов культа, уничтожение религиозной литературы, запрет религиозной деятельности, массированная антирелигиозная пропаганда с политическими обвинениями в отношении лам. Результатом стала ликвидация буддийской церкви. Важно отметить, что ни Мао, ни Сталин не призывали к быстрому уничтожению религии. Однако при организованном ими коммунистическом терроре это было неизбежно. Несомненно, они знали это, но не афишировали.

5. Частичное возобновление деятельности церкви. Данный период начинается с возобновления деятельности монастырей и охватывает в СССР (включая Туву) 1945–1990, в МНР – 1944–1992, в КНР – 1977 г. – по настоящее время. Общие черты данного периода – разрешение церковной деятельности в сравнительно небольшом числе храмов и монастырей по сравнению с периодом (1), при жестком контроле и регулировании со стороны правящей партии.

В настоящее время этот вариант церковно-государственных отношений существует в КНР, где религиозная политика КПК опирается примерно на те же основные принципы, которые в свое время озвучил Чжан Гохуа (см. выше). При этом религиозная деятельность в регионах распространения тибетского буддизма в КНР все сильнее регулируется и модифицируется властями в угоду политической целесообразности. Такой подход направлен на «изживание» тибетского буддизма изнутри, что согласуется со стратегическим курсом КПК на ликвидацию религий. «Решение нами религиозной проблемы в самой ее основе возможно лишь благодаря развитию ма-

териальной и духовной культуры, постепенной ликвидации источников, питающих существование религии. <...> Член компартии обязан прочно утверждать марксистский взгляд на религию, не только сам не должен быть верующим, но обязан также пропагандировать атеизм, помогать массам повышать свое сознание» [34, 221–225].

Вместе с тем, инвестиции государства в восстановление буддийских храмов и монастырей, а также число вновь открытых монастырей и производство предметов культа в КНР намного превосходят таковые в РФ и Монголии (хотя такие инвестиции в КНР делаются в основном ради привлечения туристов). В постсоциалистических Монголии и России тибетский буддизм пользуется намного большей свободой. В РФ происходит восстановление и строительство отдельных храмов, но государство поддерживает лишь одну из нескольких общин традиционного буддизма – Буддийскую традиционную сангху России. В Монголии, в отличие от РФ и КНР, власть не восстанавливает разрушенные монастыри, не строит новых, и почти не оказывает помощи буддизму. Он находится там в более уязвимом положении, чем протестантизм, активно насаждаемый богатыми зарубежными организациями.

АРХИВЫ / ARCHIVES

АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи, г. Москва [AVPRI – *Archive of Foreign Politics of the Russian Empire*, Moscow].

АВПРФ – Архив внешней политики Российской Федерации, г. Москва [AVPRF – *Archive of Foreign Politics of the Russian Federation*, Moscow].

МУУТА – Монгол Улсын Үндэсний төв архив, Улан-Батор [MUUTA – *Mongol ulsyn undestnii tuv arkhiv* (Central National Archive of Mongolia), Ulaanbaatar.]

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории, г. Москва [RGASPI – *Russian State Archive and Social and Political History*, Moscow]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. XI Панчен-лама Гедун Чеки Ньима: самый юный политзаключенный в мире [The 11th Panchen Lama Gedun Choki Nyima: the youngest political prisoner in the world]. М. 1999.
2. Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики. М., Наука, 1980 [Autonomnyi raion Vnutrennyaya Mongoliya Kitaiskoi Narodnoi Respubliki (Inner Mongolia Autonomous Region of the People's Republic of China). Moscow, Nauka, 1980.]
3. Богословский В.А. и др. *Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР*. М.: Политиздат. 1975 [Bogoslovsky V.A. et al. *Velikoderzhavnaya politika maistov v natsionalnykh raionakh KNR* (Great-power politics of maoists in national regions of the PRC), Moscow, 1975.]
4. Богословский В.А. Ламаистская церковь в Тибете и ее современное положение // *Китай: традиции и современность*. М., 1976 [Bogoslovsky V.A. Lamaistskaya tserkov v Tibete i ee sovremennoe polozhenie (Lamaist church in Tibet and its modern state), *Kitai: traditsii i sovremennost*, Moscow, 1976.]
5. Богословский В.А. Тибетский район КНР (1949–1976). М.: Наука. 1978. [Bogoslovsky V.A. *Tibetskii raion KNR (1949–1976)* (Tibetan region of the PRC (1949–1976), Moscow, Nauka, 1978.)
6. Будаева Т.В. Осуществление земельной реформы в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Бурятии // *Вестник БГУ*, 2013, № 7. С. 99–100. [Budaeva T.V. Osushchestvlenie zemelnoi reform v kontse 1920kh – nachale 1930kh gg. (Realization of land reform in late 1920s – early 1930s in Buryatia), *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no 7, pp. 99–100.]

7. *Второй Конгресс Коминтерна. Июль – август 1920 г.* М.: Партиздат. 1934. [*Vtoroi congress Kominterna, iyul – avgust 1920* (2nd Congress of the Komintern, July – August 1920). Moscow, 1934]
8. Герасимова К.И. *Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917–1930 гг.)* [Gerasimova K.M. *Obnovlencheskoe dvizhenie buryatskogo lamaistskogo dukhovenstva* (1917–1930), (Renewal movement of Buryat Lamaist clergy). Ulan-Ude, 1964.]
9. Далай-лама XIV. *Моя земля и мой народ.* СПб.: Нартанг – Corvus. 2000. [*The Dalai Lama. Moya zemlya i moi narod* (My land and my people), St. Petersburg, 2000.]
10. Доржу З.Ю., Иргит О.Ю. «Дело девяти»: судебный процесс 1938 года над государственными деятелями Тувинской народной республики в годы политических репрессий // *Вестник КГУ*, 2017, № 34 (2). С. 32–39 [Dorju Z.Y. and Irgit O.Y. «Delo devyati»: sudebnyi protsess 1938 g. nad gosudarstvennymi deyatel'nyami TNR v gody politicheskikh repressii («Case of the nine»: trial of state leaders of the Tuvan People's Republic in 1938), *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, 2017, no 34 (2), pp. 32–39.]
11. Дылыков С.Д. *Демократическое движение монгольского народа в Китае.* М., изд. АН СССР, 1953. [Dylykov S.D. *Demokraticheskoe dvizhenoe mongolskogo naroda v Kitae* (Democratic movement of Mongolian people in China). Moscow, YSSR Acad. Sci., 1953.]
12. *Жеребьевка из Золотой вазы* [*Lot draw from the Golden urn*]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/xzzt/bczs/t69963.htm>
13. Кузьмин С.Л. *Скрытый Тибет. История независимости и оккупации.* СПб.: изд. А. Терентьева. 2010. [Kuzmin S.L., *Skrytyi Tibet. Istoriya nezavisimosti i okkupatsii* (Hidden Tibet. History of independence and occupation), St. Petersburg, A. Terentyev Publ., 2010.] URL: http://www.savetibet.ru/2010/03/10/tibet_book.html.
14. Кузьмин С.Л. *История барона Унгерна: опыт реконструкции.* М.: КМК, 2011 [Kuzmin S.L. *Istoriya barona Ungerna: opyt rekonstruksii* (History of Baron Ungern: an experience of reconstruction), Moscow, КМК, 2011.]
15. Кузьмин С.Л. *Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века.* М., КМК, 2016 [Kuzmin S.L. *Theocratic statehood and the Buddhist Church in Mongolia in the beginning of the 20th Century.* Moscow, КМК, 2016.] URL: https://www.academia.edu/23661685/Kuzmin_S.L._Theocratic_Statehood_and_the_Buddhist_Church_in_Mongolia_in_the_Beginning_of_the_20th_Century.Moscow_KMK_496_p._24_b_w_21_color_pts_

16. Кузьмин С.Л. Первое письмо руководства Монголии к правительству советской России. Июль 1920 г. // *Исторический архив*. 2015, № 6 (135). С. 117–129 [Kuzmin S.L. Pervoe pismo rukovodstva Mongolii k pravitelstvu sovetskoi Rossii (First letter of the leadership of Mongolia to the government of soviet Russis in 1920) *Istoricheskii arkhiv*, 2015, no 6 (135), pp. 117–129.]
17. Кузьмин С.Л., Оюунчимэг Ж. *Вооруженное восстание в Монголии в 1932 г.* М.: МБА. 2015 [Kuzmin S.L. and Oyuunchimeg J., *Vooruzhennoe vosstanie v Mongolii v 1932 g.* (Armed Rebellion in Mongolia in 1932), Moscow, MBA, 2015]. URL: <https://book.ivran.ru/f/kuzmin-sl-oyuunchimeg-zh-vooruzhennoe-vosstanie-v-mongolii-1932.pdf>
18. Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*. Изд.5. 1968. Т. 17. С. 415–426 [Lenin V.I., *Polnoe sobranie sochinenii* (Collected works), v. 17, pp. 415–426].
19. *Маоизм без прикрас*. М., Прогресс. 1980. [Maoizm bez prikras (Maoism without embellishment), Moscow, Progress, 1980.]
20. *Монгольское законодательство*. Вып. 1. Улан-Батор-хото. 1928 [Mongolskoe zakonodatelstvo, вып. 1, Ulan-Bator-khoto, 1928.]
21. Монгуш М.В. 2001. *История буддизма в Туве*. Новосибирск, Наука. 2001 [Mongush M.V. *Istoriya buddizma v Tuve* (History of Buddhism in Tuva), Novosibirsk, Nauka, 2001]. URL: http://www.fidel-kastro.ru/religia/bud_tuva.htm.
22. Нарандалай П. Улс төрийн хилс хэрэгт хэлмэгдэгсдийг цагаатгах ажлын явц байдал // *Улс төрийн хэлмэгдүүлэлт: шалтгаан, үр дагавар, сургамж*. Улаанбаатар. 2017 [Narandalai P. Uls turiin khils kheregt khelmegdegdsdiig tsagaatgakh ajlyn yavts baidal (On the course of work on rehabilitation of victims of state repressions), *Uls turiin khelmegduulelt: shaltgaan, ur dagavar, surgamj*, Ulaanbaatar, 2017].
23. *О тибетском вопросе*. Пекин: Изд. литературы. на иностр. яз. 1959. [O tibetskom voprose (On Tibetan question), Beijing, Foreign languages editions press, 1959.]
24. Овдиенко И.Х. *Внутренняя Монголия*. М., Географгиз, 1954 [Ovdienko I. Kh. *Vnutrennaya Mongoliya* (Inner Mongolia), Moscow, Geografgiz, 1954.]
25. Отрощенко И.В. Из истории протестного движения в ТНР первой половины 1930-х гг. // *Новые исследования Тувы*, 2012. № 3 [Otroshchenko I.V. Iz istorii protestnogo dvizheniya v TNR1-i poloviny 1930kh godov (From the protest movement in TNR in the 1st half of 1920s), *Novye issledovaniya Tuvy*, 2012, no 3]. – http://www.tuva.asia/journal/issue_15/5227-otroschenko.html.

26. [Приказ № 5] Order no. 5. Management measures for the reincarnation of living Buddhas in Tibetan Buddhism. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2008/content_923053.htm; in English: <https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/measures-on-the-management-of-the-reincarnation-of-living-buddhas-in-0>.
27. Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921–1924 гг. Документы. М.: Вост. лит. 1960. [*Revoljursionnye meropriyatiya narodnogo pravitelstva Mongolii v 1921–1924. Dokumenty* (Revolutionary measures of the people's government of Mongolia in 1921–1924, documents), Moscow, Vostochnaya literature, 1960.]
28. Рощин С.К. *Политическая история Монголии (1921–1940 гг.)*. М., ИВРАН. 1999 [Roshchin S.K. *Politicheskaya istoriya Mongolii (1921–1940 gg.)* (*Political history of Mongolia in 1921–1940*), Moscow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 1999.]
29. *Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. 1946 – февраль 1950 г.* Кн. 2. М. 2005 [*Russko-kitaiskie otnosheniya v XX veke. Dokumenty i materialy* (Russian-Chinese relations in the 20th Century. Documents and materials on 1946 – February 1950), pt. 2, Moscow. 2005]
30. Саая С.В., Сат С.Ч. Причины политических репрессий в Тувинской народной республике в 1930–1940 гг. // *Вестник ТГУ*. 2009, № 1. С. 61–66 [Saaya S.V. and Sat S. Ch. Prichiny politicheskikh repressii v TNR (Causes of political repressions in the Tuvan People's Republic), *Vestnik Tyvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no 1, pp. 61–66.]
31. Синицын Ф.Л. *Красная буря. Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг.* СПб.: Изд. А. Терентьева и фонд “Сохраним Тибет”. 2013 [Sinityn F.L. *Krasnaya burya. Sovetskoe gosudarstvo i buddizm v 1917–1946 gg.* (Red storm. Soviet state and Buddhism in 1917–1946, St. Petersburg, A. Terentiev and Savetibet foundation publ.)
32. Терентьев А. *Буддизм в России – царской и советской*. СПб.: Изд. А. Терентьева. 2014 [Terentiev A. *Buddizm v Rossii – tsarskoi i sovetskoi* (Buddhism in tsar's and soviet Russia), St. Petersburg, A. Terentiev publ.]
33. *Tibet: Proving Truth from Facts*. URL: <http://www.tibet.net/en/index.php?id=142&rmenuid=11>.
34. Цзян Цзэминь. *О социализме с китайской спецификой*. М.: Пам. ист. мысли. 2004 [Jian Zemin. *O sotsializme s kitaiskoi spetsifikoi* (On socialism with Chinese characters), Moscow, Monuments of historical thought, 2004.]

35. Ширендыб Б. *История Монгольской народной революции 1921 г.* Докт. дисс. М., ИВ АН СССР. 1960. [Shirendev B. *Istoriya Mongolskoi narodnoi revolyutsii 1921 g.* (History of Mongolian people's revolution of 1921), D. Sc. Diss., Moscow, Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences, 1960].
36. Blondeau A.-M., Buffetrille K. (eds.) *Authenticating Tibet: Answers to China's 100 Questions.* Berkeley – Los Angeles – London: Univ. of California Press. 2008.
37. Charleux I. *The reconstruction of Buddhist monasteries in the Chinese Autonomous Region of Inner Mongolia: between sanctuary and museum?* 2016. <halshs-01377313> URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01377313/document>
38. *China-Tibet: religious demography.* URL: http://www.thearda.com/internationalData/countries/Country_51_2.asp
39. Goldstein M.C. 2007. *A History of Modern Tibet.* V. 2. The Calm Before the Storm: 1951–1955. Berkeley – Los Angeles: Univ. of California Press.
40. Hyer P., Heaton W. The Cultural Revolution in Inner Mongolia // *The China Quarterly.* 1968, no 36, pp. 114–128.
41. Jian Ch. The Tibetan rebellion of 1959 and China's changing relations with India and the Soviet Union // *Cold War Studies at Harvard University.* URL: <http://www.fas.harvard.edu/~hpcws/jcws.2006.8.3.pdf>.
42. Kolas A., Thowson M.P. *On the Margins of Tibet: Cultural Survival on the Sino-Tibetan Frontier.* Washington: Univ. of Washington Press. 2005.
43. Kuzmin S.L. Management as a tool of destruction. Reincarnation of «Living Buddhas» in modern Chinese legislation // *The Tibet Journal.* 2017. V. 42, no 1, pp. 37–48.
44. Ling N. *Tibetan Sourcebook.* Hong Kong: Union Res. Inst. 1964.
45. Norbu J. The Tibetan resistance movement and the role of the CIA // *The History of Tibet.* V. 3. London – New York. 2003.
46. Palden Gyatso. *Fire Under Snow. Testimony of a Tibetan Prisoner.* London: The Harvill Press. 1997.
47. [Panchen Lama X] 1997. *A Poisoned Arrow. The Secret Report of the 10th Panchen Lama. The Full Text of the Panchen Lama's 70,000 Character Petition of 1962, Together with a Selection of Supporting Historical Documents.* London: Tibetan Information Network, китайский текст и английский перевод. Англ. пер.: URL: <http://www.asiafinest.com/forum/index.php?showtopic=22841>
48. Puntshok J. Testimony of political prisoner // *Tibetan Envoy.* 1998. V. 3.

49. [Secret: CTC releases documents from Canada's Tibet file]. URL: http://tibet.ca/_media/PDF/secret_canada_tibet_file.pdf
50. Shakya Ts. *The Dragon in the Land of Snows. A History of Modern Tibet Since 1947*. London, Pimlico. 1999.
51. Shakya Ts. *Tibetan questions*. URL: <http://www.newleftreview.org/?page=article&view=2720>; URL: <http://newleftreview.org/?getpdf=NLR28501&pdflang=en>
52. Smith W. *Congressional panel to probe Chinese theft of Tibetan treasures*. URL: – http://www.rfa.org/english/commentaries/cambodia_cullumoped-04042008160706.html/tibet_smith-04042008160846.html
53. Smith W.W. *Tibetan Nation. A History of Tibetan Nationalism and Sino-Tibetan Relations*. Boulder, Westview. 1996.
54. Smith W.W. *China's Tibet? Autonomy or Assimilation*. Lahman etc., Rowman & Littlefield. 2008.
55. Sneath D. The Impact of the Cultural Revolution in China on the Mongolians of Inner Mongolia // *Modern Asian Studies*. 1994. V. 28, no. 2, pp. 409–430.
56. Tenpa Soepa. *20 Years of My Life in China's Death Camp*. Bloomington (India): Author House. 2008.
57. *Tibet and the Chinese People's Republic. A Report of the International Commission of Jurists by Its Legal Inquiry Committee on Tibet*. Geneva: International Commission of Jurists. 1960.
58. *Tibet Under Chinese Communist Rule. A Compilation of Refugee Statements, 1958–1975*. 1976. Dharamsala: Inf. and Publ. Office of H.H. the Dalai Lama.
59. Yang Haiying. *The Truth about the Mongolian Genocide During The Chinese Cultural Revolution*. Shizuoka: Center for Res. on Asia, Fac. of Hum. & Soc. Sci. 2017.